

УДК 94(571.6)

Попов Ф. А.

Конфликт Хабаровской городской думы и Временного правительства Дальнего Востока в 1920 г.

Падение режима А. В. Колчака, в частности, свержение в конце января 1920 г. утверждённого им в должности Главного начальника Приамурского края генерал-лейтенанта С. Н. Розанова обозначило начало новой стадии Гражданской войны на Дальнем Востоке России. Противоборство развернулось между несколькими региональными центрами, претендующими на лидерство в объединении дальневосточной окраины.

Вокруг идей "народоправства" и политического плюрализма строило свой проект правительство Приморской Областной Земской Управы во главе с эсером А. С. Медведевым. Сформировавшись на основе коалиции эсеров, меньшевиков и коммунистов, это правительство в июле 1920 г. вынуждено было включить в свой кабинет кадетов и умеренно правых представителей торгово-промышленных кругов [21, с. 251 – 253; 22, с. 346–347]. Земское правительство, именовавшее себя также Временным правительством Дальнего Востока (ВПДВ), заявляло о своих притязаниях на соседствовавшие с Приморьем области (Приамурье, Камчатку, Северный Сахалин, полосу отчуждения КВЖД) [26, с. 46–47]. Под давлением, с одной стороны, японских интервентов, а с другой, под впечатлением от коммунистической экспансии в регионе, владивостокское правительство заняло более осторожные позиции и призвало своих конкурентов решить судьбу Дальнего Востока на равноправных переговорах. В декларациях ВПДВ от 6 и 30 мая 1920 г. проводится мысль о "демократическом буфере", свободном от партийных влияний, смысл существования которого состоит в сохранении региона за Россией [3; 4].

Соперниками лево-демократического Приморья было Забайкалье, ставшее "точкой сбора" всех сил Белого движения после развала колчаковского фронта [27, с. 269–271], и Прибайкалье, в столице которого, Верхнеудинске, большевики провозгласили строительство своего, полностью зависимого от Москвы "буфера" под названием "Дальневосточная республика" (ДВР) [1, с. 81–84]. Если забайкальский режим атамана Г. М. Семёнова, в силу его идеологической чуждости всем силам левого спектра, сперва рассматривался ВПДВ в качестве открытого врага, то ДВР со столицей в Верхнеудинске казалась владивостокскому правительству договороспособной стороной. К диалогу с ДВР Приморье подталкивалось также сильным большевистским лобби – некоторые приморские коммунисты занимали высокие посты в государственных структурах Приморского государственного образования [28, с. 155]. Ещё одним региональным центром был Амурский областной народно-революционный комитет (облнарревком), управлявший отрезанным от ДВР "красным островом" – Амурской областью. Между ДВР и Амурской областью имела существенная разница в подходах к государственному строительству – амурские большевики настаивали на ускоренной советизации Дальнего Востока и критически относились к "буржуазной" ширме ДВР [25, с. 65–66]. Тем не менее во внешней политике верхнеудинские и благовещенские большевики выступали единым фронтом, и Амурская область, сохраняя особые черты своей внутренней жизни, признавала главенство ДВР в объединительном процессе.

Ни перемены в общественно-политической жизни Дальнего Востока после бегства С. Н. Розанова, ни курс ВПДВ на тот или иной вариант объединения с ДВР не устраивал определённые слои населения, оказавшиеся под властью ВПДВ. Причины для недовольства были у разных сил, традиционно

© Попов Ф. А., 2020

ПОПОВ Фёдор Алексеевич, аспирант кафедры Новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета. (г. Москва). E-mail: popovf1992@mail.ru

относимых советской историографией к "реакции". Торгово-промышленный класс опасался национализации своего имущества социалистическими правительствами ДВР и ВПДВ. Уссурийские казаки, поначалу приветствовали изгнание полностью скомпрометированного (даже в глазах антибольшевиков) атамана Калмыкова, но вскоре встали в резкую оппозицию Владивостоку, посягнувшему на казачье самоуправление [23, с. 209–211, 217–218]. Оставшиеся на территории ВПДВ офицерские кадры стали жертвами революционного террора, схожего с антиофицерским насилием во время февральских и октябрьских событий 1917 г. Массовое убийство белых офицеров на реке Хор в начале апреля 1920 г., осуществлённое большевиками при попустительстве приморских "демократов", оттолкнуло офицерство от Приморской Областной Земской Управы, за которой закрепился ореол слабого, сугубо промежуточного режима, потакающего большевикам [9]. Одним из последствий небоеспособности армии ВПДВ, серьёзно ослабленной после японского выступления 4-5 апреля 1920 г., стало образование неподконтрольных никому офицерско-казачьих отрядов, возглавляемых харизматичными лидерами.

В данной статье на примере конфликта Хабаровской городской думы и ВПДВ рассматривается внутреннее противостояние, охватившее Приморское государственное образование в 1920 году.

Предпосылки конфликта между органом городского самоуправления и правительством следует искать в неразрешённости вопроса о носителях верховной власти после краха колчаковского фронта. Хабаровская городская дума, избранная на основе мажоритарной избирательной системы при режиме А. В. Колчака, была отстранена от власти с уходом из города частей верных атаману Калмыкову. Всю полноту власти заполучил Совет крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. Апрельское выступление интервентов привело к реваншу думцев, которые, воспользовавшись расположением к себе японских военных, вновь встали во главе Хабаровска [29, с. 129–132]. Перебой связи с Владивостоком заставил городскую думу самостоятельно осуществлять управление городом. Следует отметить, что непосредственные очевидцы событий возводят отсутствие достоверной информации в число главных причин конфликта; плохое информирование о постановлениях ВПДВ, превратная интерпретация его политики, по их мнению, внесли существенную лепту в настраивание хабаровчан против Владивостока. Вынужденный в течение долгого периода времени самостоятельно справляться со своими проблемами (продовольственным кризисом, скачком цен, взлётом преступности и т.д.), город невольно обособлялся в административном отношении от центральных органов власти. Один из горожан описывал это отчуждение так: "Хабаровск в последнее время был отрезан от Владивостока, Благовещенска и Николаевска и это отразилось на всех сторонах его жизни. Крупные учреждения краевого масштаба, созданные для обслуживания нескольких областей, бездействуют и превратились в ненужные наросты, бесцельно расходующие народные средства" [13].

Дестабилизирующим фактором была идеологическая несовместимость хабаровского самоуправления и областной власти. Городская дума состояла в основном из носителей правого, консервативного мировоззрения, видевших в ВПДВ лишь ширму для прикрытия большевистских амбиций. В лидеры хабаровских консерваторов выдвинулся К. Т. Лихойдов, ставший по итогам японского вмешательства председателем городской думы. Выход из думы группы социалистов окончательно превратил этот орган самоуправления в рупор правой оппозиции. Левая общественность не скрывала своей антипатии к хабаровской думе, приписывая ей оторванность от интересов горожан, "реакционность" и пособничество японским интервентам. В советской апологетической литературе этот период жизни Хабаровска получил название "лихойдовско-японского ада" [29, с. 132]. Хабаровский корреспондент эсеровской газеты "Воля" отзывался о думе в следующих выражениях: "Возьмем наше городское самоуправление, избранное еще по грациано-колчаковскому закону, этому плоду государственного недомыслия. Вернее, всей думы в соображение брать нет необходимости, можно взять во внимание только городского голову, Лихойдова, ибо всё остальное в хабаровской думе, что носит признаки людского образа, имеет в народном общежитии не совсем лестное название. И вот эта-то дума, состоящая исключительно из домовладельцев (представители

демократии вышли из состава думы) вершит судьбами города. Правительство ею признается постольку, поскольку ей нужны субсидии. Сама же дума, ни в каких случаях, никем не признается, кроме самих сонных "отцов" города" [10].

Выборы в Народное Собрание планировалось провести с более чем месячным отставанием от Владивостока; голосование было назначено на 18 июля, просьбы уполномоченного ВПДВ Милеева ускорить проведение выборов были городской думой проигнорированы [13]. Вскоре дума пересмотрела своё решение и вновь перенесла выборы. 30 июля в беседе с Милеевым заместитель городского головы генерал Бабилов сообщил, что выборы в Народное Собрание пройдут 8 августа, а в думу – 10 сентября (списки избирателей на думских выборах вывешат для обозрения и проверки 15 августа) [10]. Но вскоре и эти даты попали под сомнение, а сами выборы (как в Народное Собрание, так и в городскую думу) были отодвинуты на неопределённый срок.

Милеев не в силах был помешать демаршам правых; тесное сотрудничество группы Лихойдова с японским гарнизоном делало неуместной должность правительственного уполномоченного, принадлежность которого к партии коммунистов также не способствовало его популярности среди "буржуазной" и правой по своему составу думы. Кроме того, Милееву, как агенту правительства, приходилось постоянно опасаться за свою безопасность. Хабаровское самоуправление старалось опереться на белые парамилитарные формирования, в частности на отряд есаула В. Бочкарева, который практиковал террор против коммунистических партийных работников по всему Приамурью. "Бочкарёвцы" оказались причастны к убийству в Имане уполномоченного ВПДВ П. В. Уткина, после чего Владивосток выслал ликвидацию "белобандитов" отряд милиции под руководством инспектора В. Колесниченко. Однако, арестовав Бочкарёва и обезвредив его "банду", Колесниченко начал повальные аресты всех, кто подозревался в "реакционных взглядах", в результате чего городская тюрьма заполнилась случайными людьми. По словам очевидцев, противоправные действия Колесниченко произвели "прескверное впечатление даже среди тех, кто сочувствовал аресту убийц Уткина и Граженского и ликвидации бочкаревской шайки" [14]. Каплей же, переполнившей чашу терпения хабаровской думы (превратившейся к тому времени в негласное "правительство" города), стала финансовая реформа владивостокского правительства, воспринятая местным торгово-промышленным классом как самый настоящий коммунистический эксперимент. После отъезда инспектора милиции из Хабаровска ВПДВ утратило всякий контроль над городом.

Разрыв Хабаровска с ВПДВ произошёл не сразу, а после неудавшихся попыток достичь консенсуса. На заседании 6 июня хабаровская городская дума объявила о готовности сложить с себя правительственные полномочия и признать ВПДВ, при соблюдении последним ряда условий. Во-первых, правительство должно признать неприкосновенность городского самоуправления в соответствии с городским положением 1917 г., гарантировать права думы как единственного органа местного самоуправления (т.е. компетенция правительственных уполномоченных у mažалась в пользу думы) и передать в её подчинение милицию в пределах городской территории. Во-вторых, все распоряжения, сделанные думой с 10 апреля по 6 июня 1920 г., должны были остаться в силе. В-третьих, Приморская Областная Земская Управа, будучи, по выражению авторов постановления, "президиумом правительства", должна инкорпорировать в свой состав представителей местного самоуправления. В-четвёртых, от Народного Собрания (легитимность которого хабаровские думцы никак не хотели признавать) требовалось ограничить свою деятельность определением правовых оснований правительственной власти впредь до созыва Дальневосточного Учредительного Собрания (региональной версии российской конституанты) и разработкой законов о выборах в него. При этом статьи 3-7 "Положения о выборах во Временное Народное Собрание Дальнего Востока", закрепляющие наполовину курриальную избирательную систему, должны подвергнуться пересмотру. В-пятых, Земская Управа обязывалась предпринять все усилия к скорейшему созыву Дальневосточного Учредительного Собрания из представителей всех пяти областей Дальнего Востока: Приморской, Амурской, Забайкальской, Сахалинской и Камчатской, а затем сложить полномочия в его пользу. И наконец, в-шестых, населению предо-

ставлялось право вотировать недоверие правительству, причём вотум, поддержанный половиной населения, влёт за собой его отставку [10].

Хабаровская дума, как видно из содержания постановления, не ограничилась отстаиванием собственных интересов и предложила программу по увеличению полномочий всех местных самоуправлений края. Ультиматум 6 июня 1920 г. был подготовлен группой Лихойдова с расчётом на то, что неповиновение думы правительству будет воспринято как децентрализаторская инициатива, которая в случае своей реализации могла бы укрепить начала демократии на Дальнем Востоке. По мнению "лихойдовцев", приморская государственность, зародившаяся на руинах авторитарного административного аппарата в январе-феврале 1920 г., именно как власть самоуправления, получившего правительственный статус, со временем выродилась в диктат областного, т.е. приморского земства над всеми остальными самоуправлениями. Поэтому уместно констатировать, что помимо идеологических противоречий между правой хабаровской думой и левым ВПДВ в этом конфликте имелся ещё и юридический пласт, связанный с противостоянием владивостокского централизма и хабаровского автономизма.

Ситуация в Хабаровске выносилась на обсуждение Народного Собрания. 31 июля товарищ управляющего ведомством внутренних дел С. М. Третьяков сделал в парламенте доклад о "незаконмерных действиях хабаровской городской думы". Третьяков констатировал, что "выборы во временное Народное Собрание постоянно откладывались по тем или иным причинам, при чем это откладывание носит определенно злостный характер" [15]. Докладчик счёл "возможным и необходимым оказать на хабаровскую городскую думу известное воздействие" [15]. Наиболее простой выход Третьяков видел в передаче выборного делопроизводства и самой процедуры проведения выборов в руки другой организации или уполномоченному правительству. Таким образом, план Третьякова по урегулированию конфликта не учитывал интересов хабаровского самоуправления; вместо выработки приемлемого для обеих сторон соглашения, правительство взяло курс на подавление хабаровского автономистского движения, пусть и мирным путём.

Несмотря на то, что тон доклада Третьякова был враждебен хабаровским "реакционерам", некоторые левые депутаты Народного Собрания считали правительственные меры недостаточными и ратовали за более решительные действия. Эсер Гуревич прямо назвал поведение хабаровской думы саботажем. "Здесь мы имеем дело с правами органа городского самоуправления" [10] – совершенно верно утверждал он. В остальном, однако, его речь была далека от объективности: "Для всех и для каждого должно быть ясно, что действия Хабаровской городской думы являются действиями продиктованными соображениями и мотивами политического, но не делового характера. Последнее постановление Хабаровской думы ясно показывает нам, что мы имеем дело с систематической обструкцией" [10]. Гуревич предлагал "посмотреть на вопрос с точки зрения юридической, с точки зрения закона" [10]. "Срок выборов, – продолжала эсеровский оратор, – определяется, согласно постановлению Временного Правительства, городским самоуправлением и оттяжка выборов, без достаточных оснований, может быть квалифицирована, как неисполнение закона. Конечно, это должен установить суд, ибо право не есть только право, но и обязанность" [10]. Далее Гуревич бросил упрек в адрес ведомства внутренних дел и правительственного уполномоченного в Хабаровске, деятельность которого "имеет характер чисто бумажного делопроизводства, которое, конечно, осязательных результатов дать не могло" [10]. Глава эсеровской фракции призвал Народное Собрание "заставить Хабаровскую думу почаще взглядывать на нас с точки зрения закона" и "решительно осадить тех, кто до такой степени зарвался" [10]. Своим выступлением Гуревич задал направление всему заседанию, которое с этого момента свелось к огульному порицанию хабаровчан.

Оппонировать воинственно настроенным левым осмелились немногие депутаты. В частности, депутат Миллер, делегированный в Народное Собрание от хабаровской торгово-промышленной палаты, попытался защитить интересы выдвинувшей его группы. Виной всему, по мнению Миллера, является недостаточная информированность хабаровской думы, которая была неизбежна ввиду долгой изоляции Хабаровска от остальных частей края. В

оттягивании выборов повинна "не столько злостная обструкция со стороны хабаровской думы, сколько просто плохая информация о том, что делается во Владивостоке" [10]. Легитимность Народного Собрания вполне признаётся думой, в противном случае зачем, спрашивал Миллер, хабаровские торгово-промышленники направили его представлять их интересы в парламенте? В конце своей речи Миллер призвал уладить инцидент парламентским путём. Кадет Л. А. Кроль указал, что едва ли возможно добиться от Хабаровска моментального и полного подчинения и тем более "возбудить против него в той или иной форме судебное преследование" [10]. Хабаровск с лёгкостью бойкотировал все ультиматумы правительства. "Что тогда делать? – спрашивает Кроль и тут же продолжает: – Никому вы не докажете, что Хабаровск должен непременно подчиняться Владивостоку, а не Чите или Благовещенску" [10]. Главным мотивом речи Кроля было предостережение парламентариев от спороспелых решений в вопросе, требующем высоких дипломатических навыков. Кролю возразил депутат Абрамов, указавший, что "существование государства в государстве, к чему фактически сводится занятая в настоящее время хабаровской городской думой позиция, недопустимо" [10]. Оратор отказал хабаровским думцам в праве считаться выразителями воли населения их города, приведя в обоснование своего тезиса тот факт, что рабочие организации Хабаровска и даже его торгово-промышленный класс делегировали в Народное Собрание своих представителей. Абрамов призвал парламент "в срочном порядке принять пожелание об изъятии из ведения хабаровской городской думы вопроса о выборах и передаче его другой организации" [10].

В ходе полемики примирительные рецепты, выдвигаемые Кролем и Миллером, были решительно отвергнуты леворадикальным большинством. В своей аргументации левые уже не обращались к правовым механизмам воздействия на хабаровскую думу. "Незаконность" хабаровского самоуправления обосновывалась ими с чисто идеологических позиций, т.е. в их представлении причиной "незаконности" думы крупнейшего дальневосточного города была её "антидемократичность", которая, в свою очередь, обуславливалась "реакционными" убеждениями думцев. Реагируя на речь Кроля, Гуревич заявил, что "депутат Кроль познакомил нас с новой оригинальной, неслыханной теорией государственного права, на основании которой каждому городу, местечку и пункту предоставляется права самоопределения, вплоть до отделения. <...> Теория г-на Кроля о самоопределении вплоть до отделения, поощряет узурпаторские попытки и достигает целей, обратным стремлению к объединению Дальнего Востока" [10].

Наблюдавший за дискуссией Третьяков, в ответ на упреки слева, признал, что его "ведомство еще не достигло достаточной гибкости административного аппарата для руководства агентами на местах" [10], но в ближайшее время намерено принять более жёсткие, чем обычно, меры.

Формула перехода, составленная Гуревичем, логически вытекала из той атмосферы непримиримости, что господствовала среди левых депутатов. Для понимания последующих событий целесообразно привести её полностью: "Констатируя систематическое и упорное сопротивление хабаровской думы проведению выборов в Народное Собрание, признает необходимым: 1) незамедлительно изъять в законодательном порядке производство выборов из ведения хабаровской городской думы; 2) роспуск хабаровской думы настоящего состава; 3) отмену в порядке административного судопроизводства всех незаконных постановлений указанной думы; 4) привлечь к законной ответственности всех лиц, виновных в задержке выборов. Собрание предлагает ведомствам юстиции и внутренних дел срочно провести в жизнь эти пожелания и переходит к очередным делам" [10]. Фактически это означало ликвидацию той хабаровской правоты "автономии", которая сложилась в городе после возврата городской думой своих полномочий в апреле 1920 г.

Неготовность Народного Собрания решать конфликт на взаимовыгодных условиях укрепила хабаровских думцев в необходимости полного разрыва с центральной властью. На частном совещании городской думы 12 августа была провозглашена "независимость" Хабаровска от Приморского государственного образования. В первой части соответствующей резолюции перечислялись противоправные действия владивостокского правительства, вынудившие думу прибегнуть к сессии. Прежде всего в упрек ему ставился отказ

признавать требования, выдвинутые хабаровской городской думой, и нежелание давать какие-либо объяснения по этому поводу. Далее правительство обвинялось в посягательстве на права городского самоуправления и в попытке незаконными методами переизбрать его состав. Не была обойдена чрезвычайно болезненная в те дни финансовая проблема: Владивостоку вменялось в вину разорение жителей Хабаровского уезда на 250 миллионов рублей посредством девальвации. По мнению составителей резолюции, "правительство не в состоянии создать и укрепить финансы и ведет умышленно и сознательно к полному разорению и обнищанию населения, отдавая его в полную экономическую кабалу иностранцам" [16]. Кроме того, правительство отказывает городу в ассигнованиях для ликвидации созданных по вине центральной власти проблем и не оплачивает казённые долги по водопроводу, телефонной связи и электрическому освещению. Отказ передать продовольственное дело в руки самоуправления, по мнению думцев, привёл к голоду, ответственность за который также ложилась на плечи правительства. Недовольство думы вызвала неспособность центра обеспечить безопасность и свободу передвижения по водным (реке Амур) и железнодорожным артериям края, что имело следствием расстройство местной торговли и промышленности. Вдобавок к этому правительство обвинялось думой в попрании права собственности и намерении провести национализацию – её особенно страшились торгово-промышленные круги Хабаровска. Помимо этого, правительство подверглось нападкам за то, что "не выказало никакого стремления к созыву Учредительного Собрания" и "не предоставило достаточного права голоса несоциалистическим слоям населения" [16]. В довершении всего владивостокская власть и её агенты упрекались за фальсификацию выборов в Народное Собрание и органы городского самоуправления.

В позитивной части резолюции городская дума отказывалась от подчинения правительству и возвращала себе право верховной власти, которая распространялась не только на город, но и на уезд и нижнее течение Амура. Все агенты низвергнутого правительства высылались за пределы Хабаровска. Для отправления законодательных функций создавался городской совет из пяти членов. Дума постановила также просить японское командование о военной защите Хабаровска вместе с уездом от "большевиков всяких оттенков" до тех пор, пока в регионе не появится правительство, признанное Японией и странами Антанты. Только такому правительству городская дума согласна была передать всю полноту власти. Для удовлетворения городских и уездных нужд дума просила у Японии 30 миллионов иен в качестве займа, – обязательства по его погашению возлагались на то правительство, которое будет признано японской стороной. Пока же Хабаровску и его окрестностям надлежало перейти на японскую валюту вместо русской.

Несмотря на категоричность формулировок, фигурирующих в резолюции частного совещания думцев, хабаровское самоуправление всё ещё надеялось на компромисс с центральной властью. 19 августа дума предъявила ВЦДВ последний ультиматум, в котором потребовала дать немедленный ответ на изложенные в постановлении 6 июня шесть требований, отозвать из Хабаровска уполномоченного Милеева и поспособствовать смягчению тона полуофициального органа "Голос трудящихся", "сеющего на казенные средства... провокацию и вражду среди населения, обостряющего отношения между русскими и Японией" [11].

Правительству не оставалось ничего иного, кроме как применить против Хабаровска военную силу, но силовому решению проблемы мешало присутствие в городе японского гарнизона. События 4-5 апреля 1920 г. были слишком свежи, чтобы забывать преподнесённый ими урок. Для того чтобы принудить хабаровскую думу к капитуляции, приморские левые воспользовались потенциалом профсоюзного движения. Хабаровский пролетариат был настроен в массе своей пробольшевистски. Сложившаяся в Приморье социалистическая коалиция с вкраплениями "цензовиков" вызвала у него больше симпатий, чем местные правые думцы. Образовавшийся в городе стачечный комитет начал 19 августа забастовку, в которую включились и служащие муниципальных учреждений. Однако забастовка задевала интересы иностранных граждан, в результате чего 21 августа интервенты потребовали от городской головы принять все меры к её прекращению, в противном случае было

обещано вмешательство японских войск. Прибывший в Хабаровск в тот же день гласный областного земства А. К. Григорьев от имени правительства убедил профсоюзы прекратить забастовку [5].

По свидетельству очевидцев, у Григорьева были шансы достичь примирения между думой и правительственным уполномоченным. Однако положение фатально испортил закон ВПДВ, принятый Народным Собранием 21 августа. Фактически им законодательно закреплялся тот радикальный курс на ликвидацию хабаровского самоуправления, который уже был изложен в парламентской формуле перехода от 31 июля. Хабаровская дума созыва 1919 г. распускалась, выборы в новую думу надлежало провести не позднее 10 октября 1920 г. на основаниях, установленных Земской Управой 9 февраля того же года. Это означало отмену колчаковского избирательного законодательства и возврат к правилам Всероссийского Временного Правительства от 15 апреля 1917 г. с указанием на то, что гласные избираются на срок до 1 января 1922 г. До избрания городской думы нового состава права и обязанности самоуправления возлагались на временную комиссию в составе пяти членов, отобранных управляющим ведомством внутренних дел из местной общественности. В отмену статьи 15 "Временных правил о производстве выборов гласных городских дум" права и обязанности городского головы по образованию избирательной комиссии возлагались на лицо, специально приглашённое управляющим ведомством внутренних дел по соглашению с председателем кабинета министров [11].

На собрании 22 августа дума уже окончательно постановила не признавать владивостокское правительство. Собравшись в количестве 22 гласных, она под предводительством Е. М. Адersona вынесла резолюцию, в которой аннулировала своё постановление об условном признании правительства от 6 июня. Обращает на себя формулировка гласных, категорически отказавшихся "от признания земской Управы Временным Правительством". Если хабаровские думцы и раньше пытались в своих документах различать "земство" и "правительство", то в данной резолюции эта тенденция обозначена предельно ясно. Хабаровчане деконструировали образ приморского земства как регионального правительства, низводили земскую управу на тот уровень, который она занимала до узурпации правительственных полномочий по итогам переворота 31 января. Без этих полномочий не могла существовать иерархия, в которой приморское земство возвышалось над хабаровской думой. Сторонники Лихойдова ловко использовали нестандартное правовое положение Земской Управы и пытались лишить её того ореола верховной власти, благодаря которому Владивосток навязывал свою волю оппонентам, будь то круг уссурийского казачества или хабаровская городская дума. Контрудар был нанесён и по Народному Собранию, которое думцы обвиняли в том, что оно, "распустив Думу и назначив новые выборы, присвоило себе непринадлежащие ему права правительственной власти" [18]. Ровно с этого дня можно отсчитывать недолгое существование Хабаровска в качестве "города-государства". Своё решение дума довела до японского командования, которое тут же предприняло меры для обеспечения порядка в городе, заперев городскую милицию (подчинявшуюся Владивостоку) в казармы и заняв милицейские участки.

На фоне нарастающего ожесточения между консервативными "лихойдовцами" и владивостокскими социалистами за примирительные процедуры выступала лишь немногочисленная либеральная интеллигенция. В резолюции хабаровского комитета партии Народной свободы от 25 августа осуждались обе стороны конфликта. Однако постановления ВПДВ и Народного Собрания, вынесенные без предварительного изучения всех обстоятельств дела, сыграли, по мнению хабаровских кадетов, намного более весомую роль в разжигании вражды. Хотя городское самоуправление тоже порицалась за оттягивание выборов в парламент, авторы резолюции смягчали степень её вины, констатируя, что "Думой были приняты меры к избежанию разрыва с правительством" [6]. Что же касается правительства, то оно, на взгляд кадетов, "не исчерпало всех средств к предупреждению подобного события, но своим пренебрежительным молчанием на запросы думы, подтолкнуло последнюю на акт разрыва 22-го августа" [6]. Тем не менее кадеты сохраняли подчёркнутый нейтралитет и призывали враждующие стороны вновь сесть за стол переговоров, дабы не допустить ослабления "национального фронта" на Даль-

нем Востоке. Левая пресса тем временем придавала "лихойдовской аванюре" конспирологический подтекст, намекая на то, что демарш хабаровской думы направляется японским командованием: "Выполняется определенный план. Стратегически важный для наших друзей Хабаровск, а за ним линия Хабаровск-Никольск постепенно занимается "истинно русскими людьми" не без руководства какого-то генерального штаба. Работа эта не делает чести ни русским спасателям родины, ни агентам союзной и дружественной нам Японии, бесцеремонность которых на этот раз перешла всякие границы..." [17].

Между тем силы, доселе считавшиеся социальной опорой городской думы, поспешили абстрагироваться от "сепаратизма". На собрании 22 августа хабаровские домовладельцы солидаризировались с правительством, признав вслед за ним думу распущенной, а её действия антидемократическими. Со слов домовладельцев, городское самоуправление "совершило великое преступление перед русским народом, умышленно толкая население нашего города, помимо его желаний, на борьбу с правительством" [12].

Положение думы усугубилось после того, как японское командование заняло нейтралитет, а попытки сформировать собственные вооружённые силы провалились. Беззащитность Хабаровска перед лицом вражеского наступления побудила группу Лихойдова прекратить борьбу. 1 сентября городская дума, так и не сложив с себя полномочий, исключительно под давлением внешней силы, свернула свою деятельность. Согласно указу Временного Правительства от 21 августа функции городского управления присвоила себе "комиссия пяти" из трёх эсеров, одного коммуниста и одного беспартийного, сочувствующего коммунистам [7]. Первым делом новые власти начали подготовку к выборам в Народное собрание. Для хабаровских правых это было страшным ударом, но, несмотря на поражение, они не отказались от участия в дальнейшей политической борьбе. Хабаровск, попав под власть коммунистов, сохранил свой протестный потенциал, что отразилось на выборах в Учредительное собрание ДВР в январе 1921 г.: из 6874 голосовавших, за некоммунистические списки отдали свой голос 4307 избирателя; от города было избрано 4 коммунистических и 6 некоммунистических депутатов (неготовность Демократического союза и эсеров объединить усилия в ходе избирательной кампании помешала оппозиционерам достичь большего) [20]. Наиболее правые и антикоммунистические настроенные члены распущенной думы – такие как К. Т. Лихойдов и Е. М. Адерсон – приняли участие в работе Несоциалистического съезда 20-31 марта 1921 г., а после переворота 26 марта 1921 г. – в работе антибольшевистского Временного Приамурского правительства.

В конце сентября была начата эвакуация японских войск из Хабаровского уезда. Вместе с ними город покинуло множество местных жителей, имевших причины опасаться советской или приморской "земсовдеповской" власти. Социальный состав беженцев варьировался от домовладельцев и бывших бойцов белых формирований до простых рабочих. "В панике бегут из города, бросая на произвол судьбы всё состояние своё и продавая за бесценок то, что составляло единственное средство к удовлетворению своих повседневных нужды, как зажиточное население города, веря ложным слухам о приходе несуществующих партизанских отрядов в город следом за японскими войсками, так и малоимущий рабочий класс под влиянием ложных слухов о возвращении японских войск для наступления на г. Хабаровск и Амурскую область" [24], – проговаривался в своём воззвании к хабаровчанам уполномоченный А. Милеев.

Одержав победу, Временное правительство не в состоянии было заполнить тот вакуум, который образовался в Хабаровске с уходом японских войск – на тот момент главных гарантов порядка в городе. Городское самоуправление Хабаровска вместе с его консервативными элементами удалялось с политической авансцены, однако кризис вокруг города продолжался: теперь он стал камнем преткновения между владивостокским правительством и амурскими большевиками. Сразу после эвакуации японских частей, окончательно завершившейся к 21 октября, город был занят войсками Амурской области. Ещё 20 октября уполномоченный ВПДВ коммунист Р. А. Цейтлин получил из Владивостока инструкцию, предписывавшую ему потребовать от амурских частей, вошедших на территорию ВПДВ, согласования их действий с приморским командованием. Кроме того, Цейтлину поручалось предохранить гражданское

управление Хабаровска и окрестностей от вмешательства амурских военных, гарантировать сохранность военного имущества, хранящегося в Хабаровске. Приморская милиция в Хабаровске и Имане должна была использоваться по назначению и не выводиться из города. Однако приморские войска и милиция, находившиеся в городе, без всякого сопротивления были выведены из города: Ракитинский батальон был послан на охрану железной дороги к югу от Хабаровска, а милиция отправлена на борьбу с хунхузами. Наряду с Хабаровском под контроль амурских большевиков попал и ряд других населённых пунктов вплоть до Имана. На новоприсоединённых территориях "амурцы" немедленно свернули все государственные учреждения ВПДВ и ввели собственную денежную систему. "Союзники" Приморья по "антиинтервенционному фронту" не считались ни с уполномоченными Милеевым и Цейтлиным, ни с представителем приморского командования Петровым, назначив в Хабаровске своего начальника гарнизона – А. К. Флегонтова. Вялые попытки ВПДВ путём дипломатии заставить войска Амурской области покинуть Хабаровск, – например, отзыв Р. А. Цейтлина, по словам В. Г. Болдырева, "явно проводившего чьи-то иные указания", и посылка новой комиссии – не увенчались успехом и остались, по мнению того же Болдырева, "только повисшим в воздухе жестом" [2, с. 376]. "Физическая сила была на стороне амурцев, которые прекрасно к тому же понимали, что Приморское Правительство с ними воевать не будет" [2, с. 376] – так Болдырев передавал настроение момента.

Посагательство Амурской области, к тому времени ставшей составной частью ДВР, на территорию Временного правительства шокировало политические элиты Приморья, которые привыкли к борьбе с дальневосточными правоконсерваторами и не ожидали "удара в спину" со стороны Благовещенска. Эсеровской "Воле" большевизация Хабаровска представлялась более мощным ударом по демократии, чем сепаратизм городской думы: "Захват Амурскими войсками Хабаровска и ликвидация в нем учреждений, установленных Временным правительством, является в данный момент вопросом исключительной важности. Мы имеем своего рода повторение Лихойдовщины на-выворот. Но насколько Лихойдовщина была жалкой попыткой справа спровоцировать демократию, настолько захват амурцами Хабаровска представляет уже собой не попытку, а один из реальных ударов, наносимых в последнее время по воле Верхнеудинска делу сохранения Дальнего Востока за Россией" (статья печатного органа эсеров была процитирована либеральным "Вечером") [8]. По мнению эсеров, агрессия амурских большевиков ставит под сомнение мирное объединение дальневосточной окраины, поэтому Временному правительству стоит воздержаться от посылки приморской делегации на переговоры в Читу (тоже занятую войсками ДВР), пока Хабаровск не будет возвращён под его юрисдикцию. В отличие от эсеров, приморские социал-демократы, находящиеся на правительственных должностях, в т.ч. председатель Совета управляющих ведомствами М. С. Бинасик не склонны были драматизировать ситуацию. Выступая перед Народным собранием 27 октября, Бинасик счёл нужным послать в Хабаровск делегацию: "Факт занятия города войсками амурского правительства и последовавшие затем между амурским командованием и представителем временного правительства недоразумения создают такое положение, при котором совет управляющих не считает возможным принять на себя ответственность за могущие произойти в дальнейшем события. Необходимо, по мнению совета управляющих ведомств, послать в Хабаровск делегацию, которая бы потребовала и добилась бы восстановления власти временного правительства в Хабаровске" [19].

Противостояние Хабаровской городской думы и ВПДВ летом-осенью 1920 г. представляет собой важный, хотя и малоизученный, эпизод политической истории Дальнего Востока России. Идеологические предпосылки противостояния следует искать в разнице между консервативным мировоззрением зажиточных горожан Хабаровска и левыми взглядами членов приморского правительства. Среди юридических (государственно-правовых) причин конфликта выделяются две главные: (1) спорность статуса хабаровской думы, вначале отстранённой от управления городом (в пользу Советов), однако вновь возвысившейся после японского выступления 4-5 апреля 1920 г. и (2) нелегитимность ВПДВ, возникшего на базе земства Приморской области, в качестве органа, представляющего все области Дальнего Востока, а не только Приморье.

рье. Финансовая реформа ВПДВ, ударившая по благосостоянию Хабаровска, послужила лишним поводом для "отделения" Хабаровска от Приморского государственного образования. Нельзя сбрасывать со счетов такой технический фактор, как расстройство коммуникаций между Владивостоком и Хабаровском, что также сыграло свою роль в нагнетании атмосферы неизвестности, а затем и враждебности в отношениях между городской думой и правительством. Поражение хабаровских думцев было предрешиено нежеланием японских войск более задерживаться в Хабаровске и отсутствии у "лихойдовцев" собственных вооружённых сил. В свою очередь, победа ВПДВ была украдена амурскими большевиками, которые, пользуясь неопределённостью ситуации в Хабаровске, ввели туда войска и фактически отняли город у ВПДВ. Земское правительство в очередной раз продемонстрировало нерешительность, слабость и, самое главное, неспособность дать отпор противникам "слева". Итог хабаровских событий лаконично подвёл непосредственный участник событий В. Г. Болдырев: "Весь север Приморья до р. Уссури – линия передовых частей японцев – переходил в подчинение и обладание Амурского правительства. Фонды Приморья значительно понизились. Перед столь быстро усилившейся Читой, оно в лице коммунистического большинства Народного собрания, представлялось уже обедневшим и почтительным родственником" [2, с. 377]. Таким образом, позиции пробольшевистской ДВР (чьи интересы отстаивали амурские большевики, занявшие Хабаровск) на переговорах вокруг объединения Дальнего Востока были укреплены, позиции же Приморского государственного образования фатально ослаблены. С первого виду незначительный хабаровский инцидент стал звеном в цепочке причинно-следственных фактов, приведших к утверждению гегемонии ДВР на русском Дальнем Востоке.

Литература

1. Азаренков А. А. "Демократический компромисс": идея "буфера" на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил – участников гражданской войны в России (январь 1920 – январь 1921 гг.). Комсомольск-на-Амуре: КГПУ, 2001. 152 с.
2. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новоиколаевск: Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
3. Вестник Временного Правительства Дальнего Востока – Приморской Земской Управы // Владивосток. 1921. 11 мая.
4. Вестник Временного Правительства Дальнего Востока – Приморской Земской Управы // Владивосток. 1920. 4 июня.
5. Вечер // Владивосток. 1920. 1 сентября.
6. Вечер // Владивосток. 1920. 4 сентября.
7. Вечер // Владивосток. 1920. 10 сентября.
8. Вечер // Владивосток. 1920. 27 октября.
9. Волков С. В. Массовое убийство большевиками военнопленных колчаковцев на реке Хор в апреле 1920 года // Альманах "Мемориал Донские казаки в борьбе с большевизмом". 2010. № 4. С. 105 – 110.
10. Воля // Владивосток. 1920. 1 августа.
11. Воля // Владивосток. 1920. 22 августа.
12. Воля // Владивосток. 1920. 25 августа.
13. Голос Родины // Владивосток. 1920. 2 июля.
14. Голос Родины // Владивосток. 1920. 27 июля.
15. Голос Родины // Владивосток. 1920. 1 августа.
16. Голос Родины // Владивосток. 1920. 15 августа.
17. Голос Родины // Владивосток. 1920. 17 августа.
18. Голос Родины // Владивосток. 1920. 25 августа.
19. Голос Родины // Владивосток. 1920. 28 октября.
20. Голос Родины // Владивосток. 1921. 14 января.
21. Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – ноябрь 1922 г.): дисс. д-ра. ист. наук. Кемерово, 2005. 467 с.
22. Руднев С. П. Воспоминания. При вечерних огнях. Харбин: Типография "Заря", 1927. 467 с.
23. Савченко С. Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке (1917-1922 гг.). Хабаровск: ХГПУ, 2002. 280 с.
24. Слово // Владивосток. 1920. 5 октября.
25. Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной республики, 1920–1922 гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 296 с.

26. Тригуб Г. Я. Деятельность Приморской областной земской управы в качестве временного правительства (январь – декабрь 1920 г.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2006. № 1. С. 44–54.
27. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. 2. М.: МПГУ, 2016. 640 с.
28. Ципкин Ю. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). Хабаровск: Хабар. краев. музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 245 с.
29. Чернышева В., Чечулина Г., Сутурин А. Хабаровск, 1858–1983: очерк истории. Хабаровск: Кн. изд-во, 1983. 336 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Azarenkov A. A. "Demokraticeskij kompromiss": ideya "bufera" na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil – uchastnikov grazhdanskoj vojny v Rossii (yanvar' 1920 – yanvar' 1921 gg.). Komsomol'sk-na-Amure: KGPU, 2001. 152 s.
2. Boldyrev V. G. Direktoriya. Kolchak. Interventy. Vospominaniya. Novonikolaevsk: Sibkrajizdat, 1925. 562 s.
3. Vestnik Vremennogo Pravitel'stva Dal'nego Vostoka – Primorskoj Zemskoj Upravy // Vladivostok. 1921. 11 maya.
4. Vestnik Vremennogo Pravitel'stva Dal'nego Vostoka – Primorskoj Zemskoj Upravy // Vladivostok. 1920. 4 iyunya.
5. Veher // Vladivostok. 1920. 1 sentyabrya.
6. Veher // Vladivostok. 1920. 4 sentyabrya.
7. Veher // Vladivostok. 1920. 10 sentyabrya.
8. Veher // Vladivostok. 1920. 27 oktyabrya.
9. Volkov S. V. Massovoe ubijstvo bol'shevikami voennoplennykh kolchakovtsev na reke KHor v aprele 1920 goda // Al'manakh "Memorial Donskie kazaki v bor'be s bol'shevizmom". 2010. № 4. S. 105 – 110.
10. Volya // Vladivostok. 1920. 1 avgusta.
11. Volya // Vladivostok. 1920. 22 avgusta.
12. Volya // Vladivostok. 1920. 25 avgusta.
13. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 2 iyulya.
14. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 27 iyulya.
15. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 1 avgusta.
16. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 15 avgusta.
17. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 17 avgusta.
18. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 25 avgusta.
19. Golos Rodiny // Vladivostok. 1920. 28 oktyabrya.
20. Golos Rodiny // Vladivostok. 1921. 14 yanvarya.
21. Kokoulin V. G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabajkal'e i na Dal'nem Vostoke (oktyabr' 1917 – noyabr' 1922 g.): diss. d-ra. ist. nauk. Kemerovo, 2005. 467 s.
22. Rudnev S. P. Vospominaniya. Pri vechernikh ogn'yakh. KHarbin: Tipografiya "Zarya", 1927. 467 s.
23. Savchenko S. N. Ussurijskoe kazach'e vojsko v Grazhdanskoj vojne na Dal'nem Vostoke (1917-1922 gg.). Khabarovsk: KHGPU, 2002. 280 s.
24. Slovo // Vladivostok. 1920. 5 oktyabrya.
25. Sonin V. V. Gosudarstvo i pravo Dal'nevostochnoj respubliki, 1920–1922 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 296 s.
26. Trigub G. Ya. Deyatel'nost' Primorskoj oblastnoj zemskoj upravly v kachestve vremennogo pravitel'stva (yanvar' – dekabr' 1920 g.) // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2006. № 1. S. 44–54.
27. TSvetkov V. Zh. Beloe delo v Rossii. 1920–1922 gg. (formirovanie i ehvolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii). Ch. 2. M.: MPGU, 2016. 640 s.
28. TSipkin YU. N. Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: formirovanie antiboldshevistskikh rezhimov i ikh krushenie (1917–1922 gg.). Khabarovsk: KHarbar. kraev. muzej im. N.I. Grodeкова, 2012. 245 s.
29. Chernysheva V., Chechulina G., Suturen A. Khabarovsk, 1858–1983: ocherk istorii. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1983. 336 s.

Попов Ф. А. Конфликт Хабаровской городской думы и Временного правительства Дальнего Востока в 1920 г.

В статье анализируется противостояние городского самоуправления Хабаровска "колчаковского созыва" и областного правительства Приморья, образованного в результате антиколчаковского переворота 31 января 1920 г. Параллельное существование нескольких государственных образований на Дальнем Востоке создавало почву для политической нестабильности. Конфликт между хабаровскими думцами и владивостокским правительством осложнялся идеологическим фактором: большинство думцев принадлежало к правому, антикоммунистическому лагерю, в то время как областное правительство состояло преимущественно из социалистов. Отказ обеих сторон идти на компромисс вылился в одностороннее провозглашение "независимости" Хабаровска в августе 1920 г. Эвакуация японских войск и отсутствие поддержки действий думы среди горожан привели "сепаратистов" к провалу. Конфликтом воспользовались конкуренты Приморья в деле объединения Дальнего Востока – Дальневосточная республика и советская Амурская область – войска последней, вопреки протесту владивостокского правительства, заняли Хабаровск в октябре 1920 г.

Ключевые слова: *Гражданская война на Дальнем Востоке, Хабаровск, городское самоуправление, антибольшевистское движение, сепаратизм, политическое насилие*

Popov F. A. Conflict of the Khabarovsk City Duma and the Provisional Government of the Far East in 1920.

The article analyzes the confrontation between the Khabarovsk city government of the "Kolchak convocation" and the regional government of Primorye formed as a result of the anti-Kolchak coup on January 31, 1920. The parallel existence of several state formations in the Far East created the ground for political instability. The conflict between the Khabarovsk Duma and the Vladivostok government was complicated by an ideological factor: most Duma members belonged to the right, anti-communist camp, while the regional government consisted mainly of socialists. The refusal of both sides to compromise resulted in the unilateral declaration of "independence" of Khabarovsk in August 1920. The evacuation of Japanese troops and the lack of support for the actions of the Duma among the townspeople led to the "separatists" to failure. The conflict was seized by the rivals of Primorye in the unification of the Far East – the Far Eastern Republic and the Soviet Amur Region – the latter's troops, contrary to the protest of the Vladivostok government, occupied Khabarovsk in October 1920.

Key words: *Civil war in the Far East, Khabarovsk, city government, anti-Bolshevik movement, separatism, political population*

Для цитирования: Попов Ф. А. Конфликт Хабаровской городской думы и Временного правительства Дальнего Востока в 1920 г. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 3. С. 96–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/96-107

For citation: Popov F. A. Conflict of the Khabarovsk City Duma and the Provisional Government of the Far East in 1920 // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 3. P. 96–107. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-3/96-107

